

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.4

Н.П. Лукина, П.В. Сазонова

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ СОВРЕМЕННЫХ СЕМЕЙНО-ГЕНДЕРНЫХ ПРАКТИК

Статья посвящена анализу аксиологических оснований моделей семейной политики в современных западных обществах. Аналитика семейных отношений осуществлена в контексте идеологической доктрины государства всеобщего благосостояния и позднейших трансформаций семейно-гендерных практик. Представлен аргументированный вывод о том, что, несмотря на масштабные трансформации института семьи, он остается эксклюзивным агентом, выполняющим основные социокультурные функции: репродуктивную, экзистенциальную, социализирующую.

Ключевые слова: информационное общество; аксиологические основания; семья; жизненный цикл; социально-демографические факторы; деинституционализация семейных отношений; семейная политика.

Введение. В последние десятилетия стремительно и нелинейно меняющиеся социально-экономические, демографические и семейно-гендерные параметры современных обществ выступают объектом социального теоретизирования и прогнозирования, требуя при этом нестандартных методологических решений. Г. Эспин-Андерсен утверждает: «Мы живем во времени, кажущемся необычным, эпохальным. Социология может быть помещена между известной, названной «индустриальным обществом как оно есть», – и неизвестной, развивающейся, пока безымянной, общественной формацией... Как же постичь то, что развивается?» [1. С. 22; 2].

Новую социальную формацию принято называть информационным, или постиндустриальным, обществом, практикуя употребление этих номинаций как синонимичных [3–5]. К числу важнейших направлений изучения информационного общества относятся исследования проблем и последствий повсеместной информатизации с точки зрения ее влияния на социокультурные и экзистенциальные процессы в современных обществах. В междисциплинарном поле европейских и отечественных исследований фиксируются разнообразные признаки продолжающейся трансформации аксиологических основ социо- и антропосферы: меняются традиционные ценности семьи, любви, самоидентификации, творчества.

Становление социальной реальности в ее информационной стадии совпадает с антропологическим кризисом, симптомами которого являются индивидуализация и рационализация современного общества [6, 7]. Деинституционализация и модернизация семейных отношений приводят к тому, что традиционный зарегистрированный брак перестает быть единственным легитимным институтом с правом контроля над сексуальностью, деторождением и гендерной идентификацией, уступая место новым форматам брачно-семейных союзов [8–10]. Европейская социология предлагает понятие *постсемьи* как гибкой формы репродуктивного и интимного поведения, которая легитимируется договором между партнерами и тем самым выходит за пределы компетенций публичного контроля и морализаторства [7, 8]. Отечественная социологическая традиция предлагает называть данный тип *супружеской (постсовременной) моногамной*

семьей, подчеркивая, что подобный союз строится вокруг разнообразных (не обязательно совместных) интересов и ценностей супругов, на фундаменте которых затем возникают родительские поведенческие паттерны [11].

Следствием структурных и аксиологических трансформаций института семьи становится повсеместный рост числа внебрачных рождений, разводов, повторных браков и нелегитимных ранее партнерских союзов. В результате возникают новые идентичности и формы социального взаимодействия: например, совместно проживающие дети от разных браков или дублированные идентичности отца в случае повторного брака матери. Структура семьи становится более неоднородной и зачастую включает в себя не только родственные связи, но также наемных работников, друзей и даже виртуальные контакты и сообщества. Внутри подобных расширенных семейных сетей формируются отличные от традиционных паттерны заботы, поддержки и ресурсообмена, которые дополняют либо компенсируют неэффективные государственные и социальные институты [12].

Общественный и академический дискурс предлагает различные, зачастую полярные оценки современных трансформаций брака и семьи. Наряду с теми, кто рассматривает их как следствие распространения ценностей эгоистического индивидуализма, карьеризма и потребительства [13, 14], есть другие социальные теоретики, которые фиксируют тенденции перехода от традиционных несбалансированных гендерных паттернов к более свободным и равноправным биографическим проектам [7, 8, 15].

Постановка проблемы исследования. Семья – это определенным образом организованная социализация, осуществляемая в интересах личности и общества. Модель семьи всегда опирается на некую теорию общества, имплицитно или эксплицитно подразумевающую, что это правильное или, в терминологии В. Федотовой, *хорошее общество* [16].

Семейные отношения и семейная политика относятся к тем социальным институтам, которые обладают четко выраженными аксиологическими параметрами. Аксиология задает особое видение целей, методов и механизмов воспроизводства семейных отношений. Аксиологическая система семейных отноше-

ний является также практически ориентированной программой, теоретические оформления которой проникают в общественную дискуссию, темами которой оказываются вопросы модернизации семьи, ее демографические характеристики, лежащие в основе успешности национальных экономик.

Проблема предпринятого исследования может быть сформулирована в вопросительном модусе: каким образом и в каком направлении трансформируется аксиологический фундамент семейно-гендерных отношений в социальных реалиях современного общества?

Методологические основания исследования. Очевидно, что обсуждение заявленной проблематики будет аналитически валидным только в рамках междисциплинарного подхода, содержащего потенциал формирования категориального и методологического аппарата для адекватного исследования сферы семейно-гендерных отношений, рассмотренных в аксиологическом ракурсе. Предлагаемый подход представляет собой социально-философскую рефлексию, осуществляемую на основе результатов социологического, сравнительно-исторического, культурологического, экономического, политологического, демографического анализа. Эта методология позволяет интегрировать принципы изучения и оценки теоретических взглядов и представлений о культурно-исторических истоках и динамике развития семейной политики, а также социокультурных механизмах функционирования семейных отношений, регулируемых системой норм, идеалов, ценностей.

Что является содержательным теоретическим основанием исследования семейных отношений в аксиологическом аспекте с учетом его междисциплинарных интенций? На наш взгляд, семья как социальный институт и объект рефлексивной модернизации нуждается в аксиологическом обосновании как предельном варианте влияния на нее со стороны философии.

Аксиологическая проблематика выделилась из контекста онтологических и гносеологических исследований, а понятие ценности приобрело категориальный философский статус. Основными проблемами аксиологии являются вопросы происхождения ценностей, причины изменения ценностных систем. Важными оказываются исследование механизмов внедрения ценностей в общество и характеристика субъектов (творческих индивидов или социальных групп), продуцирующих и продвигающих ценности. В рамках аксиологической традиции социальная жизнь трактуется как совместная форма деятельности по производству материальных и духовных ценностей в рамках социальных институтов и социальных практик. Под практикой, вслед за Э. Гидденсом, мы будем понимать социальные конструируемые структуры, которые отражают способность людей изменять обстоятельства своей жизни и одновременно воспроизводить социальные условия, т.е. знания и ресурсы, унаследованные из прошлого. Гидденс артикулирует тезис о возобновляющейся природе социальной жизни, где правила, нормы, ресурсы, которыми мы пользуемся, получая положительный результат, подтверждают их ценность и закрепляются в традиции. Социальное воспроизводство как репродукция связано с пониманием того, как упорядочивается социальная

жизнь, как она создает паттерны, каким образом институты и структуры воспроизводятся во времени, обеспечивают непрерывность культурной традиции [17].

Исходя из сформулированных методологических положений, обратимся к анализу ценностных оснований семейно-гендерных отношений в контексте их трансформации при переходе от традиционных к современным моделям семейной политики.

Дискуссия

1. Традиционные подходы к семейной политике. Становление классических моделей семейной политики происходит в условиях развития идеи и практики государства всеобщего благосостояния, регулирующего сферы занятости и социальной заботы [18]. Вмешательство государства в жизнь семьи опосредовано функцией распределения различных видов ресурсов и благ, а также связано с нормативным закреплением того, кто – семья, государство или рынок – осуществляет функции заботы в обществе.

Государства всеобщего благосостояния, ориентированные на максимизацию трудового участия всех его членов, рассматривают оплачиваемую работу в качестве связующего звена между индивидами и обществом и центрального компонента в концепции гражданства, маркируя тем самым неоплачиваемые заботу и уход в качестве второстепенных задач [10]. С позиции работающей женщины выбор в пользу той или иной модели семейной политики означает, буквально, наличие или отсутствие определенных видов и объема поддержки, на которую она может рассчитывать в ситуации совмещения занятости и материнства. Так, в рамках *либеральной модели* семейной политики государство проводит минималистическую социальную политику, оказывая поддержку наиболее нуждающимся категориям граждан и делегируя функции ухода рыночным институтам. *Консервативная модель* закрепляет традиционное гендерное разделение труда в публичной и приватной сферах за счет максимизации государственной поддержки нормативного семейного союза в составе работающего мужа и жены-домохозяйки, чья жизнь строится преимущественно вокруг интересов семьи и детей. *Социально-демократическая модель* семейной политики предполагает предоставление широкого спектра социальной поддержки всем семьям параллельно с реализацией комплекса мер, направленных на стимулирование занятости обоих супругов [1]. Последняя модель, некоторое время назад считавшаяся наиболее перспективной и реализующаяся, например, в Скандинавских странах, подвергается критике как порождающая тотальную зависимость личности от государства и разрушающая солидарные основы семьи [19. С. 313–314].

Формула поиска баланса работы и заботы является одной из самых активно обсуждаемых тем в европейском академическом дискурсе, который, как нам представляется, наиболее преуспел в определении оптимальных условий и стратегий совмещения занятости и родительства. Проиллюстрируем это теоретической дискуссией по поводу практик регулирования

занятости и ухода в рамках социально-философского и социологического дискурсов.

Гендерная экспертиза структурных и аксиологических оснований семейной политики государств всеобщего благосостояния раскрывает потенциал категории *режима заботы*, маркирующей нормативно одобряемых и поощряемых субъектов осуществления практик заботы в обществе на семейном и институциональном уровнях. Замечено, что страны, проводящие либеральную семейную политику, тяготеют к маркизации заботы, в то время как консервативная модель семейной политики предполагает высокую степень приватизации заботы за счет осуществления ее в рамках домохозяйств. Социально-демократическая модель характеризуется тенденцией этатизации заботы, т.е. распространением практики ее аутсорсинга доступным государственным институтам [20]. Анализ с иных исследовательских позиций обнаруживает пять режимов заботы: полное материнство, когда женщина посвящает все свое время уходу и воспитанию ребенка; участие обоих родителей в осуществлении ухода за ребенком; расширенное материнство при участии в уходе и воспитании ребенка других родственников; суррогатную материнскую заботу за счет привлечения оплачиваемого персонала; профессиональную заботу, осуществляемую институтами государства и рынка [21].

Часто цитируется и выступает теоретическим фундаментом для многих исследовательских инициатив в русле гендерной социологии концепция эмоционального труда, предложенная А.Р. Хохшильд. Она содержит типологию моделей заботы, представленную традиционной моделью, согласно которой неоплачиваемый труд по уходу за детьми и прочими членами семьи возлагается на неработающую женщину; постсовременную моделью, предполагающей совмещение женщинами профессиональных и родительских обязанностей без дополнительной помощи со стороны государства, работодателя или партнера; современной моделью холодной заботы, основанной на предоставлении безличной институционализированной заботы в детских учреждениях и домах престарелых, а также современной моделью теплой заботы, совместно осуществляемой членами домохозяйства при незначительном участии государственных или рыночных институтов [22].

Важным в контексте данной дискуссии представляется наблюдение о том, что государственная политика в сфере семьи и родительства вступает в сложные интеракции с гендерной культурой общества, в результате чего в кросс-культурном контексте могут быть обнаружены шесть семейных/гендерных моделей: модель семейной экономики, модель мужчины-кормильца и женщины-домохозяйки, модель мужчины-кормильца и женщины частично домохозяйки, модель двух кормильцев в сочетании с государственным уходом за детьми, модель двух кормильцев/двух домохозяев, модель двух кормильцев/наемной женщины домохозяйки [23].

Таким образом, мы полагаем, что на уровне конкретного домохозяйства организация разделения труда будет тяготеть к той модели организации семейной

экономики, которая позволит максимизировать выгоды, в том числе материальные, для всех его членов, исходя из институциональных условий и культурного контекста соответствующего общества, а также индивидуальных социодемографических характеристик партнеров: классовой принадлежности, уровня образования, состава семьи.

2. Современные семейно-гендерные практики: аксиологические проекции. Радикально изменившиеся социальные, культурные и технологические условия современных обществ фиксируют истощенность символических ресурсов предшествующего периода и необходимость поиска новых ценностей, способных определить вектор дальнейшего развития семьи как важного общественного института.

Обратимся к наиболее значимым векторам социальных трансформаций, которые могут быть рассмотрены в качестве контекста и предпосылок формирования современных подходов к семейной политике.

Исследователи акцентируют внимание на изменениях структуры и связности жизненного цикла современных индивидов за счет роста подвижности и вариативности траекторий перехода личности к взрослости. Этот процесс существенным образом растягивается во времени из-за роста временных затрат на образование и распространения практики контроля репродуктивности [24].

С позиций демографии структурные изменения института семьи и биографических паттернов трактуются как проявления второго демографического перехода, к признакам которого относят актуальные для развитых стран проблемы недостаточной для простого воспроизводства населения рождаемости и стремительного постарения [25]. В совокупности это провоцирует рост социально-экономической нагрузки на так называемое сэндвич-поколение и, соответственно, стимулирует общественную риторику о необходимости выработки новых моделей социальной и семейной политики.

Рост важности качественного образования и интеллектуальной работы для женщин приводит к изменению комплекса социальных норм поведения, в том числе брачного и репродуктивного. За последние 20–30 лет в развитых странах среднее количество детей в семье сократилось с 2,9 до 1,6 ребенка; средний возраст первого рождения у женщины увеличился на 5 лет; утроилось количество женщин, имеющих полную занятость, причем самая активно растущая категория представлена матерями, воспитывающими детей дошкольного возраста [10. Р. 15]. При этом низкая и поздняя фертильность более характерна для образованных женщин среднего класса, так как материнство, а также сопутствующий ему перерыв в занятости становятся для них все более рискованным биографическим проектом за счет прямых финансовых потерь и девальвации квалификации.

Взросшая фрагментация общественного пространства и индивидуализация жизненных циклов (образовательного, брачно-семейного, досугового и проч.) позволяет К. Юрчук рассматривать время в качестве новой категории гендерного неравенства. Озадаченная собственным опытом совмещения заня-

тости и материнства, социолог аргументированно показывает, что женщины находятся в более противоречивых взаимоотношениях со временем в связи с потребностью в самореализации, с одной стороны, и необходимостью удовлетворять большое число конфликтующих запросов со стороны семьи и социального окружения, с другой. Преимущества от жизни сразу в двух сферах смогут получить лишь те, кто посредством аккумуляции финансовых, институциональных и сетевых ресурсов смогут достичь баланса в управлении публичными и приватными пространствами. Обратная ситуация чревата асинхронизацией жизни в условиях нехватки ресурсов и навыков управления временным бюджетом [26]. Количественные исследования мобильности работающих мужчин и женщин также свидетельствуют, что женщины, будучи функционально привязанными к домохозяйству и семье, оказываются ограниченными в выборе форм занятости: например, в меньшей степени склонны соглашаться на работу, связанную с частыми командировками [27].

Важную роль в выборе паттернов фертильности и занятости продолжает играть наличие инструментальной, материальной и эмоциональной поддержки женщины со стороны других членов семьи. Эмоциональные инвестиции со стороны старших родственников играют роль дополнительного стимула при решении вопроса о рождении детей в экономически благополучных семьях [28]. С другой стороны, проявляются эмпирические свидетельства трансформации межпоколенческих связей в организации внутрисемейного обмена: бабушки все в меньшей степени воспринимаются в качестве ресурса инструментальной поддержки, особенно средним классом [29, 30]. Это обусловлено усилением тенденции к автономизации и пространственной удаленности поколений друг от друга, но также связано с изменением ценностных ориентаций по поводу воспитания и образования детей. Новые форматы коммуникации и ресурсообмена, составляющие архитектуру информационного общества, позволяют молодым семьям все больше ориентироваться на межсетевые контакты и группы поддержки, что девальвирует практику участия в уходе и воспитании старшего поколения, ранее выступавшего в качестве транслятора ценностей, знаний и опыта.

Актуальные европейские исследования выявляют особый характер дружеских связей, которые начинают иметь все больший вес в структуре организации ухода и поддержки. Эмпирические данные свидетельствуют о размывании границ восприятия семейных и дружеских отношений, когда оба типа оцениваются как одинаково значимые и функционально взаимозаменяемые [31].

Уход и воспитание детей в современных обществах, таким образом, имеет сложную конфигурацию, учитывающую взаимные интересы и потребности всех членов семьи и включающую государство, рыночные организации, третий сектор, социальные сети [32]. На смену косным в структурном и ценностном планах взаимоотношениям между поколениями приходят новые многообразные формы *рефлексивного* родительства, требующего от партнера(ов) разнообразных ресурсов и компетенций, а также личностной

зрелости. Идентичность хорошей матери не содержит более этической дилеммы выбора между полнотой собственной жизни и интересами детей, но, напротив, связана с высоким уровнем профессиональной и социальной активности женщины как предпосылки аккумуляции экономического и социокультурного капитала для последующей его инвестиции в детей.

В современных концепциях семьи артикулируется новый тип отцовства: ответственного, вовлеченного, более богатого как в содержательном, так и в эмоциональном смысле. Нормативные представления о хорошем отце отныне не только включают ответственность за финансовое благополучие детей, но также признают важность содержательного и эмоционального участия в многообразных совместных практиках. Большинство исследователей склонны рассматривать современный тип отцовства в качестве новой функциональной практики молодых образованных мужчин среднего класса [10, 32, 33], однако некоторые европейские исследования свидетельствуют о ее распространении на менее образованные группы [34]. Заметим также, что в странах, где описанный тип отцовства получает наибольшее распространение, он становится не только отражением ценностных трансформаций семьи и родительства, но также результатом целенаправленного и системного воздействия государства посредством имплементации гендерно сбалансированной семейной политики (например, в странах Северной Европы).

Обозначенная дискуссия, на наш взгляд, свидетельствует о том, что трансформации социально-экономических отношений в парадигме информационного общества означают наиболее ощутимые изменения в жизненном укладе среднего класса. Более того, использование гендера в качестве дополнительной переменной анализа позволяет предположить, что именно женщины – представительницы нового среднего класса, ставящие перед собой задачу качественного и гармоничного сочетания профессиональной и семейно-родительской самореализации, оказываются уязвимой категорией в современных обществах. Согласимся с Е. Рождественской, что перед ними со всей остротой встает задача поиска *баланса работы и жизни* как формулы оптимального сочетания обязанностей и самореализации [35]. Ж. Чернова подчеркивает, что для образованного городского среднего класса важным требованием к себе остается сохранение высоких стандартов заботы и поддержание личного контакта с детьми [32]. Данные паттерны, очевидно, носят кросс-культурный характер. Женщины – представительницы европейских средних классов рассматривают повседневные практики занятий, игр, учебы, ухода, поддержки и эмоционального сопереживания в качестве важнейших в формировании семейной солидарности и не желают делегировать их третьим лицам [10]. Среднеклассовые паттерны образования, наряду с ответственным подходом к выбору школы и вуза, подразумевают важность раннего образовательного старта в виде разнообразных видов развивающей активности для детей дошкольного возраста.

Появление социальной группы работающих и карьерно ориентированных матерей сформулировало

запрос на разработку и реализацию отдельного направления социальной политики, ориентированной на устранение барьеров и создание условий для совмещения профессиональных и семейно-родительских ролей. При этом если в предыдущий период основным объектом регулирования рассматривались исключительно женщины и их положение на рынке труда, то в современной перспективе усилия государства сосредоточены на разработке мер, призванных сбалансировать гендерные взаимоотношения в публичной и приватной сферах. Согласованное взаимодействие между мерами государственной поддержки (отпуска по беременности и родам, налоговое регулирование) и условиями труда (возможности удаленной, гибкой и неполной занятости), а также наличие доступной инфраструктуры по уходу за ребенком может создать благоприятный социальный климат, который, наконец, позволит работающим матерям освободиться от бремени двойной нагрузки.

Плодотворный диалог власти и науки в европейской практике находит выражение в реально функционирующих моделях семейной политики [36, 37]. В условиях трансформирующейся социальной реальности в конце 20-го в. на смену традиционной семейной политике, ориентированной на поддержку материнства и детства, приходит гендерно чувствительная политика *баланса семьи и работы*, институализирующая практики и поддержки, которые позволяют работающим взрослым выполнять родительские обязанности. Основные направления реализации этой политики связаны с развитием правовой, материальной и сервисной поддержки родительства: имплементацией норм и рекомендаций Европейского союза в области гендерного равенства; внедрением гибкой системы компенсации и оплаты родительского труда в виде пособий и отпусков; созданием инфраструктуры образовательных и досуговых сервисов для семей с детьми разных возрастов; включением работодателей в число акторов семейной политики и стимулированием их к созданию дружественных семье условий труда и устранению барьеров на пути становления практики вовлеченного отцовства. При этом, важно, чтобы мероприятия в рамках семейной политики были системным образом вписаны в более широкий контекст государственных инициатив, комплементарно воздействующих на общественные attitudes по поводу занятости и родительства.

Несмотря на то, что в последние десятилетия многие страны сделали серьезные шаги на пути утверждения паритета прав и обязанностей мужчин и женщин в профессиональной и лично-семейной сферах, ни одна страна в мире до сих пор не достигла гендерного равенства [38]. Показателями живучести супрессивных тенденций в отношении женщин является хотя и сокращающийся, но все же заметный гендерный дисбаланс во власти и на руководящих должностях, а также сохраняющийся разрыв в доходах [39, 40]. Не устранена гендерная асимметрия в приватной сфере: активному вовлечению женщин в сферу занятости мужчины отвечают более скромным участием в домашних делах [41, 42]. Важным достижением представляется уход академического дискурса и властной

риторики в ряде государств от бескомпромиссной дихотомии феминизм/традиционализм в представлениях о том, что было бы лучше всего для всех женщин, и признание естественного плюрализма ценностей, интересов и жизненных путей [43. Р. 4].

В европейском контексте важность системной реакции на глобальные социальные трансформации артикулирована в академическом дискурсе последних десятилетий. В ходе масштабного международного исследования было обнаружено, что степень влияния как негативных, так и позитивных эффектов глобализации на общество зависит от социальной, экономической и семейной политики государства [44]. Большой корпус кросс-национальных исследований подтверждает значимость влияния мер семейной политики на положение женщин на рынке труда [45–47]. В научном сообществе достигнуто понимание того, что проблема низкой рождаемости обусловлена комплексом институциональных, социокультурных и ценностно-мотивационных факторов, а потому не может быть решена исключительно пронаталистскими социально-политическими мерами. Снятие напряжений мыслится за счет имплементации гендерно сбалансированной семейной политики: государству необходимо формировать максимально благоприятную среду для сочетания и примирения конфликтующих друг с другом запросов профессиональной и семейно-родительской самореализации путем объединения усилий и ресурсов государства, рынка и семьи.

Современная семейная политика, таким образом, должна представлять собой гибкий и многоаспектный комплекс норм и мероприятий, отражающих динамику социальных трансформаций, но также учитывающих исходный культурно-исторический контекст и гендерный уклад общества. На идейном уровне она должна опираться на принцип признания многообразия индивидов с точки зрения ценностных ориентиров и выстраиваемых на их основе семейно-репродуктивных паттернов.

Проведенный анализ позволяет сформулировать некоторые выводы.

Во-первых, междисциплинарная область исследования семейных отношений оказывается в зоне активных интервенций разнонаправленных интересов конкретных дисциплин, регионов знания, практической политики, что требует выделения собственного дисциплинарного ядра или основания, которым может стать аксиология с ее теоретическим и методологическим арсеналом, способным концептуализировать и объяснить сущность трансформации современных семейных отношений с позиции их ценностной детерминации.

Во-вторых, радикально изменившиеся социальные и технологические условия современных обществ повлияли на характер семейно-гендерных отношений с точки зрения подвижности их границ. С этим связана необходимость решения проблем исчерпанности символических ресурсов предшествующего периода и поиска новых идеалов и ценностей, способных определить вектор общественного развития, в том числе семьи как важнейшего социального института.

В-третьих, зарубежный и отечественный академический дискурс, признавая масштабность современ-

ных трансформаций института семьи, тем не менее не подвергает сомнению его статус эксклюзивного социального агента общественного воспроизводства за счет выполнения репродуктивной, экзистенциальной и социализирующей функций.

В-четвертых, современное общество существует в условиях острого дефицита трудовой силы, а потому

государство не может позволить себе решать актуальные задачи на рынке труда в ущерб долгосрочным демографическим потребностям. Только в том обществе, где государство внедряет практику компенсации части родительских затрат и издержек, семья в состоянии выполнять функции расширенного общественного воспроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьева И. Российская социальная политика в последние годы: между уже пройденным путем и все еще неопределенным будущим // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5, № 1.
2. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge : Polity Press, 1990.
3. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М. : Аспект Пресс, 2004.
4. Bell D. The coming of the post-industrial society. The Educational Forum // Taylor & Francis Group. 1976. Vol. 40, № 4. P. 574–579.
5. Иноземцев В. Постиндустриальный мир Даниела Белла // Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
6. Bauman Z. Liquid modernity. London : John Wiley & Sons, 2013.
7. Giddens A. The transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies. London : John Wiley & Sons, 2013.
8. Beck U., Beck-Gernsheim E. Families in a runaway world // The Blackwell companion to the sociology of families. 2004. P. 499–514.
9. Cherlin A. J. The deinstitutionalization of American marriage // Journal of marriage and family. 2004. Vol. 66, № 4. P. 848–861.
10. Williams F. Rethinking families. London : Calouste Gulbenkian Foundation, 2004.
11. Кузьмина К. Трансформация модели семьи и потребностей в социальной защите в условиях социально-демографических и социально-экономических перемен // Журнал исследований социальной политики. 2008. № 6 (2). С. 201–216.
12. Hank K., Kreyenfeld M. A multilevel analysis of child care and women's fertility decisions in Western Germany // Journal of Marriage and Family. 2003. Vol. 65 (3). P. 584–596.
13. Etzioni, A. The Parenting Deficit. London : Demos, 1993.
14. Лексин В. Н. Государственная семейная политика и обычная русская семья // Общественные науки и современность. 2010. № 2. С. 57–69.
15. Beck-Gernsheim E. Reinventing the family. In search of new lifestyles // Polity. 2002.
16. Федотова В. Хорошее общество. М. : Прогресс-Традиция, 2005.
17. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. University of California Press Berkley and Los Angeles, 1984.
18. Daly M., Rake K. Gender and the Welfare State. Care, Work and Welfare in Europe and the USA. Cambridge : Polity Press, 2003.
19. Чернова Ж. Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики // Журнал исследований социальной политики. 2011. № 9 (3). С. 295–318.
20. Lewis J., Daly M. The concept of social care and the analysis of contemporary welfare states // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51 (2). P. 281–298.
21. Kremer M. The Politics of Ideals of Care: Danish and Flemish Child Care Policy Compared // Social Politics: International Studies in Gender, State and Society. 2006. Vol. 13 (2). P. 261–285.
22. Hochschild A. R. The managed heart: Commercialization of human feeling. University of California Press, 2003.
23. Pfau-Effinger B. Gender cultures and the gender arrangement - a theoretical framework for cross-national comparisons on gender // Innovation: the European Journal of Social Sciences. 1998. Vol. 11. P. 147–166.
24. Солодников В. Глобальные демографические и институциональные изменения семьи // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 152–154.
25. Van de Kaa D.J. The Second Demographic Transition Revisited: Theories and Expectations. Population and Family in the Low Countries / ed. by G.C.N. Beets et al. Lisse, Zwets and Zeitlinger, 1993. P. 81–126.
26. Jurczyk K. Time in Women's Everyday Lives Between Self-Determination and Conflicting Demands // Time & Society. 1998. Vol. 2–3. P. 283–308.
27. Schneider N.F., Ruppenthal S., Lück D. Beruf, Mobilität und Familie // Zukunft der Familie. Prognosen und Szenarien. Opladen, 2009. S. 111–136.
28. Tanskanen A.O., Rotkirch A. The impact of grandparental investment on mothers' fertility intentions in four European countries // Demographic research. 2014. Vol. 31. P. 1–26.
29. Zdravomyslova E. Working mothers and nannies: Commercialization of childcare and modifications in the gender contract (a sociological essay) // Anthropology of East Europe Review. 2010. Vol. 28 (2). P. 200–225.
30. Utrata J. Babushki as surrogate wives: How single mothers and grandmothers negotiate the division of labor in Russia. Berkeley Program in Eurasian and East European Studies, 2008.
31. Pahl R., Spencer L. Personal Communities: Not Simply Families of "Fate" or "Choice" // Current Sociology. 2004. Vol. 52 (2). P. 199–221.
32. Чернова Ж. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 288 с.
33. Рождественская Е. Отцовство: либеральный тренд от отца к папе? // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 75–89.
34. Ferri E., Bynner J., Wadsworth M. Changing Britain, Changing Lives: Three Generations at the Turn of the Century. University of London, 2003.
35. Рождественская Е. Биография как социальный феномен и объект социологического анализа. М., 2012. 555 с.
36. Lewis J. Work-family balance, gender and policy. Edward Elgar Publishing, 2009.
37. Leitner S., Ostner I., Schmitt C. Family policies in Germany. VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. S. 175–202.
38. Bekhouch Y. et al. The global gender gap report. Geneva, Switzerland : World Economic Forum, 2013.
39. Ebert I.D., Steffens M.C., Kroth A. Warm, but maybe not so competent? // Contemporary implicit stereotypes of women and men in Germany. Sex roles. 2014. Vol. 70 (9–10). P. 359–375.
40. Leschke J., Jepsen M. Is the Economic Crisis Challenging the Prevailing Gender Regime? A Comparison of Denmark, Germany, Slovakia, and the United Kingdom // Social Politics: International Studies in Gender, State & Society. 2014. Vol. 21 (4). P. 485–508.
41. Sullivan O. Changing gender relations, changing families: Tracing the pace of change over time. Lanham, MD : Rowman & Littlefield, 2006.
42. Cooke L.P. Persistent policy effects on the division of domestic tasks in reunified Germany // Journal of Marriage and Family. 2007. Vol. 69 (4). P. 930–950.
43. Xydias C. Women's Rights in Germany: Generations and Gender Quotas // Politics & Gender. 2014. Vol. 10 (01). P. 4–32.
44. Lange A., Jurczyk K. The Globalized Family // DJI-Bulletin. 2010. P. 4–6.
45. OECD. Female labour force participation: past trends and main determinants in OECD countries. OECD Economic Policy Reforms. Paris. 2005. P. 161–174.

46. Kenworthy L. *Jobs with Equality*. Oxford : Oxford University Press, 2008.
47. Pettit B., Hook J.L. *Gendered Tradeoffs: Family, Social Policy, and Economic Inequality in Twenty One Countries*. New York : Russell Sage Foundation, 2009.

Статья представлена научной редакцией «Социология, политология» 29 мая 2017 г.

AXIOLOGICAL PROJECTIONS OF MODERN FAMILY-GENDER PRACTICES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 184–191.

DOI: 10.17223/15617793/420/28

Nelly P. Lukina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lukinanp1@gmail.com

Polina V. Sazonova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lukinapv@rambler.ru

Keywords: information society; axiological foundations; family; life cycle; socio-demographic factors; deinstitutionalization of family relations; family policy.

The article discusses the axiological foundations of family policy in contemporary Western societies. The analysis is carried out within the framework of a welfare state ideology and current transformations of family and gender relations. The authors consider traditional and modern approaches to the family and gender diversity of modern societies which has become one of the central issues of the socio-humanitarian discourse. Family relations and family policy are among those social institutions that have distinct axiological characteristics. Axiology forms a set of goals, methods, and mechanisms for the reproduction of family relations. Reflections on the axiological parameters of modern family relations penetrate into the public debate. The issues highly discussed are the modernization of a family, its changing gender and demographic characteristics, its impact on the development of national economies. Radical social, economic and technological transformations of modern societies affect the nature of family and gender relations. Traditional wedlock is no longer the only legitimate institution that has the power to control sexuality, reproduction and gender identification. New patterns of marriage and family relations emerge. The family structure becomes more heterogeneous and often includes not only family ties, but also employees, friends and virtual communities. Different types of care, support and resource exchange within the extended family networks are formed. They perform complementary and substitutive functions for inefficient state and social institutions. The research question is: How do the axiological foundations of family and gender relations in modern societies transform? The methodology of the research is an interdisciplinary approach to the family, which unites the knowledge from philosophy, sociology, culture studies, political science, economics and demography. The authors convincingly show that, despite the significant transformations of a family, it remains an exclusive institution that performs the basic socio-cultural functions, mainly reproductive, existential, socializing. The elimination of tensions and contradictions caused by axiological transformations of modern social reality is possible by means of the implementation of a gender-balanced family policy. The authorities need to create the most favorable environment for families, which enables working parents to combine professional and family duties. This requires the combination of efforts and resources of the state, the market and the family.

REFERENCES

1. Grigor'eva, I. (2007) Rossiyskaya sotsial'naya politika v poslednie gody: mezhdru uzhe proydenym putem i vse eshche neopredelennym budushchim [Russian social policy in recent years: between the path already traversed and the future still uncertain]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 5, 1.
2. Esping-Andersen, G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press.
3. Webster, F. (2004) *Teorii informatsionnogo obshchestva* [Theories of the Information Society]. Translated from English. Moscow: Aspekt Press.
4. Bell, D. (1976) The coming of the post-industrial society. *The Educational Forum*. Taylor & Francis Group. 40:4, pp. 574–579.
5. Inozemtsev, V. (1999) Postindustrial'nyy mir Daniela Bella [The post-industrial world of Daniel Bell]. In: Bell, D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo* [The coming of the post-industrial society]. Moscow: Academia.
6. Bauman, Z. (2013) *Liquid modernity*. London: John Wiley & Sons.
7. Giddens, A. (2013) *The transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies*. London: John Wiley & Sons.
8. Beck, U. & Beck-Gernsheim, E. (2004) Families in a runaway world. In: Scott, J., Tres, J., & Richards, M. (eds) *The Blackwell companion to the sociology of families*. London: Blackwell Publishing.
9. Cherlin, A.J. (2004) The deinstitutionalization of American marriage. *Journal of Marriage and Family*. 66 (4), pp. 848–861.
10. Williams, F. (2004) *Rethinking families*. London: Calouste Gulbenkian Foundation.
11. Kuz'mina, K. (2008) Transformatsiya modeli sem'i i potrebnostey v sotsial'noy zashchite v usloviyakh sotstal'no-demograficheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh peremen [The transformation of the family model and the needs for social protection in the context of socio-demographic and socio-economic changes]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 6 (2), pp. 201–216.
12. Hank, K. & Kreyenfeld, M. (2003) A multilevel analysis of child care and women's fertility decisions in Western Germany. *Journal of Marriage and Family*. 65 (3), pp. 584–596.
13. Etzioni, A. (1993) *The Parenting Deficit*. London: Demos.
14. Leksina, V.N. (2010) Gosudarstvennaya semeynaya politika i obychnaya russkaya sem'ya [State family policy and the usual Russian family]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2, pp. 57–69.
15. Beck-Gernsheim, E. (2002) *Reinventing the family. In search of new lifestyles*. Cambridge: Polity Press.
16. Fedotova, V. (2005) *Khoroshee obshchestvo* [Good society]. Moscow: Progress-Traditsiya.
17. Giddens, A. (1984) *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Berkley; Los Angeles: University of California Press.
18. Daly, M. & Rake, K. (2003) *Gender and the Welfare State. Care, Work and Welfare in Europe and the USA*. Cambridge: Polity Press.
19. Chernova, Zh. (2011) Kto, o kom i na kakikh usloviyakh dolzhen zabotit'sya? Gendernyy analiz rezhimov zaboty i semeynoy politiki [Caring: Who, about who and on what conditions? Gender analysis of care regimes and family policy]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 9 (3), pp. 295–318.
20. Lewis, J. & Daly, M. (2000) The concept of social care and the analysis of contemporary welfare states. *British Journal of Sociology*. 51 (2), pp. 281–298.
21. Kremer, M. (2006) The Politics of Ideals of Care: Danish and Flemish Child Care Policy Compared. *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*. 13 (2), pp. 261–285.
22. Hochschild, A.R. (2003) *The managed heart: Commercialization of human feeling*. University of California Press.
23. Pfau-Effinger, B. (1998) Gender cultures and the gender arrangement – a theoretical framework for cross-national comparisons on gender. *Innovation: the European Journal of Social Sciences*. 11, pp. 147–166.

24. Solodnikov, V. (2014) Global'nye demograficheskie i institutsional'nye izmeneniya sem'i [Global demographic and institutional changes in the family]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Socis*. 7. pp. 152–154.
25. Van de Kaa, D.J. (1993) The Second Demographic Transition Revisited: Theories and Expectations. In: Beets, G.C.N. et al. (eds) *Population and Family in the Low Countries*. Lisse, Zwets and Zeitlinger. pp. 81–126.
26. Jurczyk, K. (1998) Time in Women's Everyday Lives Between Self-Determination and Conflicting Demands. *Time & Society*. 2–3. pp. 283–308.
27. Schneider, N.F., Ruppenthal, S. & Lück, D. (2009) Beruf, Mobilität und Familie [Occupation, mobility and family]. In: *Zukunft der Familie. Prognosen und Szenarien* [Future of the Family. Forecasts and scenarios]. Opladen.
28. Tanskanen, A.O. & Rotkirch, A. (2014) The impact of grandparental investment on mothers' fertility intentions in four European countries. *Demographic research*. 31. pp. 1–26.
29. Zdravomyslova, E. (2010) Working mothers and nannies: Commercialization of childcare and modifications in the gender contract (a sociological essay). *Anthropology of East Europe Review*. 28 (2). pp. 200–225.
30. Utrata, J. (2008) *Babushki as surrogate wives: How single mothers and grandmothers negotiate the division of labor in Russia*. Berkeley Program in Eurasian and East European Studies.
31. Pahl, R. & Spencer, L. (2004) Personal Communities: Not Simply Families of "Fate" or "Choice". *Current Sociology*. 52 (2). pp. 199–221.
32. Chernova, Zh. (2013) *Sem'ya kak politicheskiy vopros: gosudarstvennyy proekt i praktiki privatnosti* [Family as a political issue: state project and privacy practices]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
33. Rozhdestvenskaya, E. (2010) Otsovstvo: liberal'nyy trend ot ottsa k pape? [Paternity: a liberal trend from father to father?]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 3. pp. 75–89.
34. Ferri, E., Bynner, J. & Wadsworth, M. (2003) *Changing Britain, Changing Lives: Three Generations at the Turn of the Century*. University of London.
35. Rozhdestvenskaya, E. (2012) *Biografiya kak sotsial'nyy fenomen i ob'ekt sotsiologicheskogo analiza* [Biography as a social phenomenon and the object of sociological analysis]. Abstract of Sociology Dr. Diss. Moscow.
36. Lewis, J. (2009) *Work-family balance, gender and policy*. Edward Elgar Publishing.
37. Leitner, S., Ostner, I. & Schmitt, C. (2008) *Family policies in Germany*. VS Verlag für Sozialwissenschaften.
38. Bekhouch, Y. et al. (2013) *The global gender gap report*. Geneva: World Economic Forum.
39. Ebert, I.D., Steffens, M.C. & Kroth, A. (2014) Warm, but maybe not so competent? Contemporary implicit stereotypes of women and men in Germany. *Sex roles*. 70 (9–10). pp. 359–375.
40. Leschke, J. & Jepsen, M. (2014) Is the Economic Crisis Challenging the Prevailing Gender Regime? A Comparison of Denmark, Germany, Slovakia, and the United Kingdom. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 21 (4). pp. 485–508.
41. Sullivan, O. (2006) *Changing gender relations, changing families: Tracing the pace of change over time*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
42. Cooke, L.P. (2007) Persistent policy effects on the division of domestic tasks in reunified Germany. *Journal of Marriage and Family*. 69 (4). pp. 930–950.
43. Xydias, C. (2014) Women's Rights in Germany: Generations and Gender Quotas. *Politics & Gender*. 10 (01). pp. 4–32.
44. Lange, A. & Jurczyk, K. (2010) The Globalized Family. *DJI-Bulletin*. pp. 4–6.
45. OECD. (2005) *Female labour force participation: past trends and main determinants in OECD countries*. *OECD Economic Policy Reforms*. Paris. pp. 161–174.
46. Kenworthy, L. (2008) *Jobs with Equality*. Oxford: Oxford University Press.
47. Pettit, B. & Hook, J.L. (2009) *Gendered Tradeoffs: Family, Social Policy, and Economic Inequality in Twenty One Countries*. New York: Russell Sage Foundation.

Received: 29 May 2017